

И. М. Ильинский

**А. А. Зиновьев:
«человек —
нормальный»**

Как и многих здесь присутствующих, меня давно занимает проблема улучшения человеческих качеств российского народа или, как часто говорил А. А. Зиновьев, «человеческого материала». Я занимался этой проблемой в 80-е и 90-е годы, когда был директором Научно-исследовательского центра при ВКШ, занимаюсь ею и ныне.

Зиновьев, с тех пор как я познакомился с ним в 1999 году, всегда интересовал меня (кроме всего прочего — любовь, уважение и т. п.) как объект моих наблюдений. Особенно с тех пор, как прочитал в «Исповеди отщепенца» его слова: «Как будто кто-то приказал мне: «Иди!» И я пошел... Пойду до конца жизни тем путем, на который уже встал, — путем создания своего собственного внутреннего мира и собственного образа человека. Это и будет, — сказал я себе, — мой протест против всей мерзости бытия, мой бунт против порочности Вселенной

и мрачного Бога». И мне, и другим (я знаю) он не раз говорил, что это его антропологический эксперимент на самом себе.

римент на самом себе.

Наблюдая Зиновьева и никогда не забывая, что передо мной выдающаяся личность, знаменитый ученый, я отмечал, что его интересует и волнует, как он рассуждает, общается с людьми, что пьет и ест, чему радуется, на что и как сердится и т. п. И приходил к заключению, что в повседневной жизни Зиновьев выглядит «как все», что это **нормальный человек**, если брать норму по ее **нижней границе**, соответствующей широко распространенным представлениям о том, каким должен быть **типичный, массовый** российский человек в быту, чтобы не раздражать собой окружающих, не вступать в конфликт с нормами морали и права.

Но вот я видел Зиновьева на трибуне, читал его новые статьи и книги, слушал его сообщения и реплики на заседаниях Русского

интеллектуального клуба — и тут он был совсем иной, ни на кого другого не похожий — оригинальный и уникальный человек. То, что говорил и писал Зиновьев, как правило, выходило за рамки «нормальных» представлений о «нормальном» ученом (философе, социологе, политологе). Его крайне резкие и часто мрачные выводы шокировали окружающих, казались ненормальными.

Однако тут все зависит от того, что принимать за норму. У понятия «норма» есть не только нижняя граница и «золотая середина», принимаемая за идеал, но и **верхняя граница**. И эта — верхняя норма не типична. Она существует не для всех. Точнее сказать, ее вовсе не существует. Задать себе невысказанную для всех высоту планки выше общих, типичных представлений о том, каким должен быть идеал человека, даже если такой идеал, такая модель кем-то сформулированы, может только личность, в высшей мере, я бы сказал, болезненно озабоченная саморазвитием и ставящая себе особые и чрезвычайно высокие цели, невысказанные для остальных. Ну надо же додуматься до такого: поставить эксперимент на самом себе, чтобы показать всему миру, каким должен и может быть человек, отвечающий нормам и правилам, которые он сам себе определил. А дальше жить всю долгую жизнь по этим правилам.

Но именно так и поступил Зиновьев.

Мы были знакомы с ним около семи лет, беседовали многие десятки раз. Иногда — подолгу, несколько раз — по несколько часов, но обычно это были короткие, двадцати-тридцати-сорокаминутные встречи: Зиновьев очень ценил время, всегда торопился. Да и я живу в постоянном цейтноте.

Я обратил внимание на то, что часто во время разговоров Зиновьев то куда-то «улетал», а то вовсе существовал как минимум в двух измерениях: он говорил со мной, говорил жарко, умно, увлеченно, а все же мне казалось, что в это время находится где-то еще, думает еще о чем-то, еще что-то переживает.

Было нетрудно заметить: Зиновьев непрерывно о чем-то думает, что-то переживает.

А это шла постоянная внутренняя работа души по созданию того самого «собственного внутреннего мира», который он строил в себе до последних дней.

Сегодня мы говорим о целостности как о главном качестве зиновьевской природы, и печалимся тем, что нынешние люди, в массе своей, будучи плодом сверхрационализма и гиперспециализации в образовании, — это люди фрагментарного, осколочного, усеченного сознания и душевной пустоты. Но как же так получается: ведь Зиновьев и все они, все мы — современники?!

Своим экспериментом Зиновьев показал, каких высот в интеллектуальном и духовном развитии может добиться человек, если он самоозадачивает себя в своем духовном развитии.

Сам на себе Зиновьев показал, что душа не является врожденным качеством человека, что она развивается — уменьшается или увеличивается в зависимости от тех норм и правил, которые устанавливает для себя человек и которым он следует, прикладывая для этого максимальные умственные и волевые усилия. Он показал, что все свойства души — из практики: воспитания, самовоспитания и деятельности.

Зиновьев был человеком **высокоразвитой души**. Его душа не сводилась лишь к одному свойству — мышлению. Она была наполнена эмоциями и страстями, которые определяли его могучий темперамент и мужество, его способность идти одному против всех и побеждать. Зиновьева нельзя определять только по уму. Его душа была широкой и высокой, именно она связывала воедино все его многочисленные способности.

Сегодня, когда воспитание в нашем обществе практически изъято из образования, а внешняя среда во всех ее проявлениях, особенно СМИ и Интернет, разлагает души молодых людей, подлинное духовное развитие, к сожалению, становится делом **исключительно** самого человека. В этом смысле результаты эксперимента Зиновьева по созданию «собственного внутреннего мира» приобретают огромное значение. Труды Зи-

новьева стоит изучить под этим углом зрения с целью использования их в педагогической практике.

Зиновьев часто говорил: «Я — думательная машина. Мне все равно, что думать». Как думал Зиновьев — мы знаем. Но почему он мог думать так, а другие не могут? Почему он и тут выше «оптимума», выше «золотой середины»? Ответить на эти вопросы крайне сложно. Можно полагать, будто гениальный человек обладает своей биохимией мозга, определяющей легкость ассоциаций при минимуме информации и многое другое. Возможно, это так и есть.

Но мне кажется, что особое устройство ума Зиновьева определяется тем, что ценой своих огромных волевых усилий по саморазвитию он существенно преодолел типичную для всех людей асимметрию левого и правого полушарий мозга. Всем хорошо известно, что у 90% людей доминирует левое полушарие, которое «отвечает», кроме всего прочего, за счет, математику, логику, анализ, видение деталей действительности и т. п. Очевидно, что левое полушарие работало у Зиновьева прекрасно, что вполне соответствовало его профессии логика.

Но для решения тех многообразных творческих задач, которыми был занят Зиновьев, кроме счета и логики, были необходимы высокоразвитые интуиция и воображение, кроме способности анализировать — дар синтезировать, мыслить глобально и видеть не только детали, но и «общую картину» в целом. Судя по трудам Зиновьева, и эти качества были развиты у него прекрасно.

Иначе говоря, и в умственном отношении Зиновьев был гармоничным, а не асимметричным человеком. И это тоже выдающийся результат зиновьевского эксперимента на самом себе с целью создания своего уникального внутреннего мира, своего собственного образца человека. На мой взгляд, и этот результат, насколько это теперь возможно после его смерти, должен быть осмыслен и использован в образовательной практике.

Я не имею возможности вникать в проблемы нейро- и психофизиологии человеческо-

го мозга. Скажу одно: мне известно, что асимметрия полушарий мозга — итог эволюции человека, что их несоразмерность имеет свои причины, что до известной степени асимметрия даже необходима.

Но те же специалисты утверждают, что человек не рождается с функциональной асимметрией полушарий. Если человек останется на всю жизнь неграмотным и будет занят рутинной работой, межполушарная асимметрия у него почти не разовьется. Если же человек включен в процесс образования, то специфика полушарий станет изменяться.

Иначе говоря, большое значение имеют не только генетические, но и социальные факторы. Функции как левого, так и правого полушарий, предзаложенные в мозг человека природой и развившиеся в процессе эволюции, могут быть развиты или — погашены, в зависимости от того, насколько они задействованы в реальной практике. Нормой считается осуществление любой из названных функций за счет работы всего мозга — и левого, и правого полушарий.

Проблема состоит в том, что современное образование идет по пути все более узкой профессиональной специализации, которая есть путь к частичности, односторонности, ограниченности мышления и сознания. Отсюда в основном — проблема понимания, которая особенно заботила Зиновьева, как заботит и всех нас; отсюда (как следствие проблемы понимания) — масса глобальных проблем человечества, угрожающих его существованию.

В то время как потребность в способности человечества видеть не только детали, но и целое, не только локальное, но и глобальное отношение частей к целому, многомерность и сложность мира все увеличиваются, гиперспециализация ведет к драматическому росту фрагментации знания, а стало быть, и раздроблению человеческого сознания, противостоит его целостности, развитию тех свойств человеческого мозга, которые помогают «связывать» воедино сущности различных специальных знаний. А это и есть вооб-

ражение, интуиция, целостное видение «общей картины», «живущие» в правом полушарии.

Когда я думаю о феномене Зиновьева во всей его полноте, он предстает передо мной как невероятная Сложность. Это не просто *homo sapiens* (человек разумный), а тем более — *homo faber* (человек-ремесленник), *homo economicus* (человек хозяйственный), *homo prosaicus* (человек прозаический). Зиновьев — существо рациональное и эмоционально неистовствующее; работающее и играющее; экономическое и потребительское; эмпирическое и воображающее; прозаическое и поэтическое. Одним словом, суще-

ство внутренне противоречивое. Но таким и должен быть полноценный, нормальный человек.

Таким образом, Зиновьев в моем понимании — это образец для оценки существующих людей и создания человека нового типа: с высокоразвитым умом и высокоразвитой душой, озабоченного самим собой, судьбами своей семьи, отечества и всего мира. Зиновьев — это норма. Все остальное — ненормальность.

Другое дело, что я не могу представить себе мир, состоящий из одних Зиновьевых. Этого никогда и не случится, зато есть высота, к которой можно стремиться.